

Саша ✂ Готти

ХРОНИКИ ТЕМНОГО УНИВЕРА
НЕКРОМАНТ

Сага о нечисти

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Г73

Обложка: *Саша Готти*
Иллюстрации: *Саша Готти*

Готти, С.

Г73 Хроники Темного Универа. НЕКРОМАНТ / Саша Готти. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 538, [1] с. (Хроники Темного Универа. По-
дарочный).

ISBN 978-5-17-094382-1

Владе, потомку враждующих кланов магов и вампиров, сложно выживать в тайном мире. Светлые маги не оставляют ее в покое: та, которая сильнее их, должна быть стерта с лица земли.

Тайный мир движется к катастрофе: так предсказывают домовые. Война на пороге, Тьма наступает, Москва и Петербург замерли в ожидании удара. Но война начинается не только в тайном мире, но и в крови Влады, которая наполовину вампир, наполовину маг...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 10.04.2018.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 28,56.
Доп. тираж 1500 экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Саша Готти, текст, ил., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ВЛАДА
и
Местъ Вампира

The logo is a dark, metallic-looking emblem. At the top is a crown with a central spire. Below the crown, the word "ВЛАДА" is written in large, white, gothic-style capital letters. Underneath "ВЛАДА" is a small white Cyrillic letter "и". At the bottom, the words "Местъ Вампира" are written in a smaller, white, gothic-style font. The entire logo has a jagged, spiky bottom edge.

Глава 1

ОДИНОКОЕ ЛЕТО

Изжаренная душным июлем Москва тонула в тополином пухе.

Края дорог и лужи опушились кокетливыми белыми воротничками, и Владе казалось, что какой-нибудь убийца подушек прячется на горячих крышах и вспарывает их, рассыпая невесомые белые перья над городом. Летний воздух на Садовом кольце пел, струился, обвевая ласковыми ручейками икры ног и плечи, обещая жаркое лето и зывая куда-нибудь на песчаный пляж, окунуться в прохладную озерную воду, ощутить под ногами упругую зелень травы...

Влада с досадой поглядывала то на экран мобильного, показывающего без десяти шесть, то на толпу людей, в час пик жаждущих троллейбуса. До места сбора волонтеров Темного Департамента еще около пяти остановок: если пойти пешком, точно опоздаешь.

А лето звало, пело, боролось за свои права посреди города, уставшего от жаркого дня и мечтающего о прохладных сумерках. Лето боролось с Владой, убеждая ее, что девчонке в четырнадцать лет нечего делать на остановке, к которой вот-вот подкатит троллейбус, чтобы отвезти на каторгу.

Каторгой студенты Темного Универа обозвали ночные дежурства волонтеров Темного Департамента, проходившие два раза в неделю. Опять на всю ночь отправят дежурить у воняющей сыростью подворотни на Маросейке, где в луже нахлебался бензина городской водяной. Его придется уговаривать помолчать, а не орать на весь двор неприличные песни и не плевать вонючей водой в проходящих мимо людей. Или заставят смывать граффити со стены дома какого-нибудь упыря, нахамившего светлому магу около ночного клуба и не способного попасть домой из-за нарисованной около подъезда разлапистой лилии. Маги любят такие штучки: нарисуют свой символ там, где живет нечисть, а ты потом два часа води кисточкой с краской по штукатурке, пока пострадавший ноет, фотографирует тебя на айфон и выкладывает в Инстаграм трагический пост: «Френды, торчу у дома. Миленькая волонтерша сдирает ихнюю светлую пакость со стенки. Всем чмоки».

— Эй, заходишь или нет?

Нетерпеливый окрик, донесшийся сзади, оторвал Владу от размышлений и вернул в реальный мир. Троллейбус уже секунда как подкатил и распахнул двери, а Москва не терпит медлительности. Люди здесь не ходят, а бегают по тротуарам; миллисекундная задержка на светофоре — и машины захлебываются возмущенными гудками.

Зацепив кого-то локтем, Влада решительно вскочила на ступеньки, бормоча извинения и по привычке протискиваясь в самый конец. Троллейбус издал протяжный вздох, будто протестуя из-за набившегося в его нутро людского компота, и, дернувшись, отчалил от остановки в спешащий поток Садового кольца.

Народ утрамбовывался, занимал сиденья, толкался, Владе по плечу больно заехали сумкой. Она с досадой обернулась и увидела веселую компанию студентов. Те дружно хохмили, обсуждая какого-то Сашку, который приперся на сдачу вступительных экзаменов в институт с мамашей, термосом и любимым котом. Такие компании всегда кажутся единым существом с кучей ног и рук, множеством радостных глоток — студенческий спрут, обладающий коллективным разумом. Люди, студенты, женщины с детьми и без...

Влада держалась за поручень, а в стекле, на фоне Садового кольца, было видно, как солнце играет зелеными и синими бликами на ее темных и длинных, почти до пояса, прядях волос.

Голос из динамика, объявивший следующую остановку, Влада уже не слышала, надев наушники от плеера. Любимая песня — и шумный троллейбусный мирок исчез вдаль, а за стеклом бежало назад Садовое кольцо. Летняя городская круговерть в час пик, когда день клонится к вечеру: по тротуару спешат прохожие, на дороге ползут потоки машин.

Город живет за завесой, его жителям не виден тайный мир. У людей — своя реальность, у нее — своя. Уже год, как прежняя питерская школа с ее биологией, ненавистной алгеброй, историей, литературой и предстоящим грозным ЕГЭ кажется улетевшим сном. А новая жизнь — вот она...

Влада дотронулась пальцем до холодного металлического значка Темного Универса, приколотого на отвороте блузки. Ее реальность — это когда слово «нечисть» не является ругательством, как для многих, кто смотрит фильмы про упырей и вурдалаков, нападающих из-за каждого угла, пока в конце фильма их не пронзит осиновым колом или не прострелит серебряной пулей бравый Ван Хельсинг. Кстати, однокурсник Влады, упырь Марик Уткин, ненавидит фильмы про нечисть, а вурдалак Федька Горяев до

смерти боится смотреть кино про мертвецов и любит тупые сериалы с хохотом за кадром.

Еще ее реальность — подмосковное Огоньково, где она каждый вечер говорит своему деду, что у нее все отлично, потом ложится спать и слушает, как кикимора ругается с домовым и заставляет его выключить рок-музыку. Это отец и мать, погибшие от козней магов, едва Владе исполнился год. Отец был вампиром с не очень хорошей репутацией, а мать из древнего рода светлых магов. Поэтому приходится жить полукровкой, застрявшей между двумя противоположными мирами — нечистью и светлыми магами.

Нечисти в Москве много, она ходит по улицам вперемежку с людьми. Кикиморы в ярких платьях, вампиры, оборотни, упыри. Лишь с наступлением темноты, как у любой нечисти, их глаза засветятся странными огнями. Хотя многие стали носить линзы а-ля человек, поэтому темные очки не требуются. Впрочем, светящиеся глаза теперь встречаются и у людей (спасибо магазинам «Украшения для вечеринок» с дурацкими товарами!). Нечисть и люди смешались в большом городе, стали неразличимы, хотя Влада научилась почти безошибочно выделять темных в людском потоке: ее глаз выхватывал характерные особенности в походке, манере говорить, цвете глаз. Все они темные, относятся к темной стороне.

А Ван Хельсинги... Их называют светлыми магами, или просто светлыми. Однокурсники по Темному Универсу говорят: «Светляки». Маги — сильные мира сего, сильнее нечисти, как это ни печально. От обычных москвичей их можно отличить разве что по невероятной уверенности в себе. Маг осознает свои возможности, и это отражается на его манере говорить, в голосе и выражении глаз.

Хорошо, что есть Конвенция тайного мира, которая поддерживает хрупкое равновесие. Нечисть связана домовым правом. Это из серии «вампиру нужно приглашение через порог, чтобы войти». Маги связаны запретом на применение боевой магии против темных, но следят за соблюде-

ем законов. А люди... Люди, как всегда, в пролете и не видят ничего тайного (спасибо дневному праву и древнему магическому закону!). Все необычное, что происходит рядом с человеком, его сознание моментально изглаживает из памяти, как утюгом. Только в книгах за увидевшими что-то не то людьми гоняются агенты тайной полиции, требуют молчать, угрожают... На самом деле все проще. До восемнадцати лет у человека есть шанс быть посвященным в тайный мир, но небольшой — если он нужен в этом мире. А с наступлением первого дня восемнадцатилетия будь добр жить как все.

Войн с нечистью у магов сейчас, к счастью, нет. Зато есть постоянная «холодная война» с провокациями и подлостями. Каждый светлый знает, что нечисти на земле не место, и обязательно напоминает об этом при встрече. А нечисть убеждена, что светлый маг — последний упырь из самых страшных фильмов. Нормальный и понятный расклад. Понятный, если ты на стороне тех либо других.

Но если отец был вампиром, а мать — потомок светлых магов, что тогда? Поначалу Влада испытывала комплекс неполноценности, находясь рядом с однокурсниками. От отца ей не досталось ничего вампирского, кроме анемии из-за постоянного недостатка железа в организме. От матери-мага передалась излишняя тревожность и ранимость, с которой Влада боролась все четырнадцать лет своей жизни. И в тот момент, когда ощущение собственной никчемности достигло предела, проявились особые способности. Это произошло месяц назад, неожиданно и ярко. Сильные мира сего — светлые маги — день за днем слабеют, теряя свои силы только потому, что когда-то на свет родилась она, Влада Огнева. И все попытки магов убить ее заканчиваются плачевно для них самих — она попросту отражает удары боевой магией, обращая ее силу на противника.

Вот такая у нее реальность. А еще — куча непринятых звонков от тролля Егора Бертилова и эсэмэски от валькера

Димки Ацкого, предложившего ей слетать на Останкинскую башню.

И еще... Черные веселые глаза Гильса Муранова, который после ссоры исчез с жизненного горизонта Влады, оставив ее одну посреди этого жаркого и ненужного лета.

Гильс — вампир. Что это слово значит для людей, идущих мимо? Они ухмыльнутся, вспомнят пару-тройку фильмов с бледными утонченными юношами, клыками, кровью и эффектными прыжками длиной в полкилометра за раз. А на самом деле... Если бы Гильс сейчас шел рядом с ней, никто бы ничего не понял. Он бы хохмил, прикалывался, обзывал ее «белым снежком» за патологически бледную кожу... Загорелый, широкоплечий для своих шестнадцати лет паренек, глядя на которого сворачивали бы шеи все девчонки, идущие навстречу. Не отрывали бы глаз, забыв про своих мальчишек, а потом мучились бы перед сном, вспоминая *не такого*, как все...

Гильс бы этого даже не заметил, не посмотрел в их сторону, повернув за угол и исчезнув в сутолоке Москвы. Что вампиру другие девчонки, если была нужна она одна?

Ключевое слово «была»...

Влада закусила губу и почувствовала на языке соленый привкус.

Вдруг троллейбус, дернувшись, встал. Влада вовремя вцепилась в поручень, чтобы не улететь от окна. Провалившийся под землю участок асфальта, под которым порезвились вурдалаки,— обычное дело в Москве. Отгородив участок дороги и тротуара, рабочие спешно накатывали заплатку, пока машины, сердито гудя, объезжали образовавшуюся пробку, а прохожие обегали расставленные пестрые конусы.

Владу опять кто-то пихнул в спину, и она обернулась, сдернув наушники. Сердитая тетенька, ругавшая компанию студентов, теперь смотрела на нее поверх очков и говорила что-то, показывая на нее, Владу.

— И планов на будущее не строй...— донесся до Влады обрывок фразы.

— Простите, вы мне?

— Тебе! Я спросила: когда полнолуние? — Женщина очень серьезно смотрела на нее.

— Но... откуда я знаю?

Влада пожалала плечами, решив, что в Москве под видом нормальных людей могут попадаться и городские сумасшедшие. Хотя на вид эта женщина была вполне нормальной.

— А зря! Тебе осталось жить всего ничего, надо бы знать, когда полнолуние...

А вот это уже не было похоже на слова сумасшедшей. Влада внимательно посмотрела женщине в глаза и вдруг все поняла: обычный человек говорил то, что ей хотели передать со светлой стороны. Это угроза, высказанная через людей, которых маги часто использовали в своих целях.

— Спасибо, я поняла,— сдержанно ответила Влада.

Женщина пожалала плечами и отвернулась с чувством исполненного долга.

Влада вглядывалась в ее профиль, но та лишь часто хлопала ресницами, будто приходя в себя после минутного помутнения, даже начала обмахиваться книгой.

В общем-то, все понятно. Женщина — обычный человек и совершенно ни при чем. Маги именно так передают свои послания через людей, используя их как почту. Послание было предельно ясным: Владу предупредили, что она не доживет до ближайшего полнолуния, и посоветовали не строить планы на будущее.

Что ж, это не впервые. Каждое дежурство, стоило Владе выбраться из Огоньково в Москву, к ней обязательно цеплялся кто-то из людей и доверительно сообщал, что жить ей осталось недолго. Но сегодня в троллейбусе впервые назвали конкретный срок — ближайшее полнолуние.

Влада проверила свои ощущения. Все-таки нужно пользоваться половиной крови, доставшейся от матери.

Обычно ей удавалось почувствовать надвигающуюся беду. А сейчас...

— Дайте выйти!

Неожиданно для себя Влада, ломая ногти, стала продира́ться сквозь стоявших пассажиров. На нее заорали, она снова отдавила кому-то ногу и чуть не вывихнула плечо.

— Девочке плохо от духоты, дайте ей выйти! — зычно прогудела на весь салон контролерша. — Ей надо выйти, откройте!

Двери, будто нехотя, с железным лязгом отворились. Нутро троллейбуса с остервенением выплюнуло ее, чуть не оторвав пряжку от сумки.

Влада кинулась вперед, обегая идущих по тротуару людей. Ключья белого пуха летели ей прямо в лицо, как летний снег.

Когда вдруг ясно видишь, что падаешь в пропасть, и кто-то ненавидит тебя так сильно, что это не дает дышать, не до поездок в троллейбусе. На часы можно не смотреть — опоздала. Влада сбавила темп и теперь шла спокойно, даже медленно. Да здравствуют опоздания, выговоры, прогулы и так далее! Не объяснять же, что ее до полусмерти напугала какая-то женщина в троллейбусе и собственные предчувствия.

Две остановки остались позади, вот и поворот с Садового кольца. Впереди показался Сретенский сквер — уже недалеко.

Сквер встретил хрустом гравия под подошвами сандалий. Наконец свои — группы ребят разбежались по дорожкам, явно получив задания. Сейчас ей оторвут голову за опоздание, в этом можно не сомневаться.

Мимо пронеслись однoгруппницы: кикиморы, а среди белого дня обычные девчонки, ярко одетые, сплоченные общими тайнами и хихиканьем. Влада кивнула им, но проскочить мимо не удалось. Тем более что рядом с кикиморами оказался валькер Димка Ацкий, явно поджидавший Владу в засаде после серии безуспешных звонков.

— Че за дела, сонц? — высказал Ацкий очень недовольным тоном. — Трубку не берешь и ващ-ще на каторгу опаздываешь. Адка и так злющая, сейчас орет на вурдалаков...

— Огнева, а правда, что твой отец был вампир, а мать из магов? — выпалила кикимора Лиза Маркина. — Так интересно, я столько слышала! А ты тогда кто?

— А ты у Ады Фурьевны спроси, — ответила Влада. — Она тебе подробно объяснит, как светлая и темная кровь взрываются, если смешать их в пробирке на кафедре носфераторики...

— А правда, что ты самого Гильса Муранова подальше послала? — не дав подруге закончить, подхватила другая кикимора, имени которой Влада не помнила. Кажется, эта рыжеволосая была с параллельного потока. — Расскажи, а? Жажду подробностей...

«Обойдешься», — с досадой подумала Влада, но выдавила из себя улыбку. Как бы ни было паршиво на душе, нельзя показывать это окружающим. Это ей точно досталось от отца-вампира.

— Огнева, ну правда, где Муранов-то? — перебив подругу, выпалила Лиза Маркина. — Слухи ходят всякие... Что из Универа ушел! Из-за тебя!

— Меня потому и сослали на каторгу, за плохое отношение к вампирам, — отшутилась Влада, хотя по ногам и спине пробежала волна мурашек то ли от нервов, то ли от холода.

— А к троллям? Бертилыч тебя тоже ждал, а потом, когда задания раздали, Адка его прогнала, и он свалил. Решил, ты не придешь, хех... Поехал грустить троллик, — позлорадствовал Ацкий. — Кстати, а к валькерам у тебя какое отношение, а, сонц?

Влада ощутила руку на своем плече — валькер приобнял ее, полуплетья-полупрыгая следом. Иногда Владе казалось, что Ацкий придушивается, играя в ухажера и демонстрируя это при всех.

— Дима, не надо,— дернув плечом и скидывая руку валькера, попросила Влада.— Мне еще с Адой объясняться.

За деревьями показались спины — много напряженных спин, которых сейчас отчитывали и ругали. Около мраморного постамента, понурив не слишком чистые головы, хмуρο топталась кучка вурдалаков.

Влада даже узнала голос той, которая их ругала,— это была Ада Фурьевна, преподаша, опасная во всех смыслах, главная фурия Универа. Неопределенного возраста, миниатюрная, на огромных каблуках, сейчас она была похожа на ящерицу, которая поймала и сожрала экзотическую птицу да еще нацепила ее перья. Жила Ада в центре Москвы, красила волосы в ярко-фиолетовый цвет, ездила на ярко-фиолетовой маленькой машинке, и даже планшетник, который она держала ярко-фиолетовыми ногтями, и тот был кислотного цвета.

— ...и если еще такое повторится, я доложу в деканат! — вопила Ада, бряцая массивными золотыми серьгами.— Куда вы ползли посреди дня, я спрашиваю в третий раз!

— В библиотеку,— просипел вурдалак Федя Горяев, шмыгнув носом. Остальные дружно закивали головами.

— Ржете, значит,— не предвещавшим ничего хорошего голосом процедила Ада.— Ничего, я отмечу в ведомости, что Горяев, Дылдин и Грибашук вместо дежурства под Садовым кольцом игрались в догонялки и пробили своими идиотскими бошками асфальт! Чья была идея?

— Ничья...— поднял глаза Федя Горяев, тощий настолько, что его нужно было бы сложить втрое, чтобы он стал нормальной толщины.— Я, это... ну, типа... того... че я — ниче...

— Ничья, значит,— повторила фурия.— А-а, вот кто сюда пожаловал! — Она повернулась, заметив Владу.— Здравствуйте, вы опоздали, Огнева!!! Что вы себе позволяете? Понимаете, что волонтерская работа не менее важна, чем учеба?!

— Извините,— выдохнула Влада.— Троллейбус...

— Что, троллейбус не прозвонил?! — продолжила экзекуцию Ада Фурьевна.— Или ваша светлая кровь не позволяет приходить вовремя на наши темные мероприятия?

Влада сделала огорченное лицо. Это было нормальное поведение для фурии. Ада просто не умела быть другой — обязательно надо орать, плевать, изничтожать того, кто попадает под руку. Сначала Влада ненавидела малорослую и злющую преподашу, пока не прочла в учебнике по носфераторике, что такое поведение для фурий вполне естественно. Гораздо опаснее, когда фурия плюется. Это Ада тоже делала естественно, выплевывая яд вместе со словами, когда орала. А еще у фурии случались приступы неестественной доброты, что всегда означало — жди беды.

— Ада Фурьевна, ну какая же Огнева светлая, если она темная, наша,— примиряюще подал голос Ацкий.— Я ручаюсь за нее, зуб даю!

— Вы сначала крылья заштопайте от дырок, а потом будете зубами рисковать, Ацкий! — огрызнулась фурия.— Какое нахальство — перебивать преподавателя! А ну слезьте со скамейки. Что вы уселись на нее, как голубь?!

— Понял,— проворчал валькер, неуклюже спрыгивая со спинки на гравий и поводя сложенными крыльями, на которых бряцали заклепки, устрашающие значки и прочая дребедень.

— Вот так,— фурия кивнула головой.— Что переминаетесь с ноги на ногу?! Вы не то что ходить нормально — уже на ногах стоять нормально разучились со своими ночными полетами! Ничего-о, я вам еще устрою... сейчас устрою...

Ада Фурьевна уткнулась в свой модный планшет, изобразив настоящий «фурьевский» прищур накрашенных глазок в сочетании с добрейшей улыбкой, что не предвещало ничего хорошего.

— Задания волонтерам,— пропела фурия, листая пальцем «страницы» планшета.— Вы, Огнева, идете на вокзал

